Юрий КОРОТКОВ:

«Я не хотел никого обличать — просто рассказал правду»

Любите ли вы балет? Эту воздушность и грацию, эту умопомрачающую красоту человеческого тела в танце? Тогда не смотрите фильм «Танцующие призраки». Когда Юрий Коротков решил снять его по своей киноповести, он, хотя уже и знал, как и из чего получаются балерины, все равно не представлял в полной мере, что такое мир балета. Не закулисный даже — глубже. Мир, в котором девочки и мальчики превращаются в профессиональных «балетных» (а именно так зовут участников классического русского кордебалета). А если б знал наперед, то, по словам Юрия, «ни за что бы не ввязался в эту историю».

За годы перестроечной демократии, когда один за другим поднимались пред нашим изумленным взором завесы над «советскими зонами» — тюрьмами, психиатричками, трудовыми концлагерями, где «лечат» от алкоголизма и прочее, — как-то никто не догадался заглянуть в хореографическое училище. Да и к чему бы это? Привыкли считать, что «в области балета мы впереди планеты всей».

— Юрий, сначала вы написали киноповесть «Виллиса», потом вместе с Ефимом Резниковым сняли по своей повести фильм «Танцующие призраки». Жизнь хореографического училища, показанная вами, — это же страшно. Недаром Софья Николаевна Головкина, директор Московского училища, грозилась не допустить съемок...

— Да, она, прочитав киноповесть, была очень рассержена.

— А как наткнулись на тему и почему захотелось написать, снять фильм?

— Совершенно случайно. Романтическая история. Познакомился с девушкой — ученицей последнего курса. Пригласил погулять, а она в ответ: «У меня нет сегодня увольнительной».—«А если без увольнительной?» — спросил. Отвечает — выгонят. Я опешил: не армия же? Начал расспрашивать и у нее, у разных людей про эту жизнь...

— Вообще от вашей повести осталось впечатление, что балетных готовят как какой-то бездушный материал.

— А детей как раз там и называют «материалом». Но, знаете, и повесть, и картина — это пустячок по сравнению с тем, что мы увидели и услышали, когда стали снимать фильм. То, что преподаватель может «садануть» по спине, мышце, сами ребята, как ни странно, считают нормальным делом. Мы ведь объездили со съемочной группой все хореографические училища, искали «актеров», и эти встречи снимали. Потом стерли видеопробы, о чем очень жалею. Но, с другой стороны, соединить художественное кино с этими документальными кадрами нельзя было. То, о чем рассказывали ребята, — за пределами киноэстетики.

— В стране всего четыре хореографических училища, и, вероятно, каждое из них после выхода повести «примеряло» события и факты на себя?

— Но я не выдумал ни в повести, ни в картине ни одного факта.

— А что же вывело из себя, например, Софью Николаевну Головкину?

— По-моему, такая сцена: девочка, которая начала полнеть, стала пить сильнодействующие препараты, голодать — иначе выгонят, — заработала дистрофию, отравила почки. Ее еле спасли в больнице, о балете ей пришлось забыть. Хотя и голодание до истощения, и питье спиртного во всяком училище дело обычное. Пьют даже малыши.

— Почему?

— Во всем этом трудно разобраться. Но я так понял: во-первых, из протеста против казарменной дисциплины и потом как допинг. Одна девочка мне так и сказала: бутылку «сухонького» выпьешь — улучшается вращение. Они ведь больше всего боятся, что выгонят. А отчисляют из училища за малейшее нарушение: три замечания—и отчисляют. А это — крушение всей жизни. В нормальную школу возвращаться приходится на класс ниже — переростками. В училищах процветают воровство, «дедовщина» по отношению к маленьким, не говорю уже о гомосексуализме и цинизме взаимоотношений вообще. Вот это сочетание грязи, абсолютной изоляции балетных детей от мира, его духовных ценностей и того впечатления, что производит балет на зрителей, — самый драматичный для меня как писателя момент.

— Уж и не знаю, каким шоковым ударом мог бы обернуться ваш фильм, если б вы показали все, что увидели, узнали. Но ведь вы оговорились: такое балетное воспитание уже норма. Неужели так: норма? Я после вашего фильма специально прочитала воспоминания Анны Павловой. Она много пишет и об училище. Да, жесткий режим, да, много работы для тела, но и для души тоже. О битье или каком-то цинизме взаимоотношений речи нет. От ее страниц веет чистотой, каким-то высоким душевным настроем. Пишет она, что часто к ним приезжал Александр III с семьей, об этих праздниках...

— Но и наш балет всегда был кремлевским, вернее, только кремлевским. Поставщиком валюты... И училище, например, московское, было и есть нечто обязательное для детей высокопоставленных лиц. Этих «блатных», как здесь откровенно их называют, обходит стороной казарменное воспитание. Они не живут в интернате. Они вольные, и к ним совсем другое отношение. Но из них ведь и не получается артистов. Зато их ни за что не выгонят, как других, за ерунду. Знаете, как мы встречались с ученицами Московского училища, когда искали артистов? Словно разведчики. «Рафик» стоял на определенном месте, девочка подходила, удостоверялась, что мы — это мы, и произносила: только чтоб не узнали в училище. Мы хорошо знали, что только за встречу со съемочной группой девочка будет отчислена.

— А где же вы снимали?

— В Пермском хореографическом училище, у Людмилы Павловны Сахаровой.

— А ей понравилась повесть?

— Нет, конечно. Прочитав, она швырнула книгу на стол, сказав: «Это — ложь. Лично я маленьких не бью».

— Но училище все-таки отдала для съемок...

— Знаете, она, хоть и очень эмоциональная женщина, как все балетные, но здравомыслящая. И она единственная поняла, что я не хотел ничего и никого обличать. Я хотел правдиво показать, что есть жизнь артиста, балерины.

— Как проходили съемки?

— Я проклял себя, что взялся за фильм. Мы жили, как на вулкане, все было непредсказуемым. Понимаете, у всех этих ребят — сломанная психика. Они либо в ровном состоянии, либо срываются в истерику. Середины творческой нет. В эпизоде, когда одна ученица уходит из училища — ее отчисляют из-за хронического воспаления сустава,—мы и не просили никого плакать. Они же рыдали несколько часов, мы не могли продолжать съемки. И сколько таких случаев!

— А где нашли героиню?

— К сожалению, в Большом театре.

— Почему «к сожалению»?

— Да потому, что полгода из-за этого были в простое. Нет, нам не отказывали, улыбались, но говорили, сейчас Е. К. в Англии, подождите. Нет, сейчас она готовит сложную партию. Ждем. Наконец не выдерживаем, время идет, фильм стоит. Хорошо, говорят, позвоните ей в Шотландию. Пусть она пришлет письмо, что согласна сниматься. Звоним, девочка, конечно же, просит своих педагогов разрешить ей сниматься, и записываем для скорости дела это на кассету. Несемся с кассетой в Большой. Прокручиваем. И я вижу, как блеснул огонек в глазах балетного начальника, когда он потянулся за кассетой. И я не отдал ее. Я понял, что бедной девочке не поздоровилось бы...

— Но почему? Не хотели ей дать шанс стать известной?

— Таких «почему» было несчетное количество. Генеральный директор Большого Владимир Коконин сказал тогда: «Ребята, вам морочат голову. Не ждите. Ищите другую героиню».

— И даже он не смог ничего сделать?

— Все в балете зависит от непосредственных руководителей. Вы даже представить себе не можете, какие официальные высоты мы задействовали, чтобы снять в фильме девочку из третьего ряда кордебалета!

— В общем, рабство, зависимость. Все так, как не раз говорила Майя Плисецкая, объясняя свой отъезд в Испанию. Так это Плисецкая... Что уж о кордебалете, учащихся говорить! А кто же все-таки сыграл главную роль — Юли Азаровой?

— Выпускница Новосибирского училища Анна Пономарева. В фильме также снимались девочки из Пермского училища, московского «Классического балета», петербургских «Хореографических миниатюр».

Итак, фильм снят и скоро войдет в прокат. Его купили Российское телевидение и прокатная фирма «Инициатива» из Перми.

P. S. После этого разговора я решила узнать у Софьи Николаевны Головкиной, что она думает о повести Юрия Короткова.

— Мы были очень удивлены, — говорит Софья Николаевна, — когда прочитали эту повесть. Ведь автор совсем не знает жизни училища, он ни разу не побывал у нас! А когда даже не педагоги, а сами ребята решили пригласить Короткова в училище, чтоб он объяснил, откуда он взял те или иные факты, он не пришел к нам!

— Вы считаете эту вещь наветом?

— Все неправда. У нас очень чистая школа, чистые дети. Их никто не бьет. Да, в интернат мы никого не пускаем: мы ведь отвечаем за каждого ребенка, но в увольнения они могут ходить. И в театры, и на выставки с педагогами ходят. И, скажите, если у нас все так плохо, как считает Коротков, почему же нас зовут и в Японию, и в Англию? В Токио есть русская балетная школа — филиал нашей академии, ведь училище — высшее учебное заведение, а по-японски — академия. Русский балет — это мировой товарный знак.

— Софья Николаевна, а какие, по вашему мнению, причины побудили автора написать неправду?

— Сейчас все в стране порушено. Это тенденция, дело рук определенного круга людей. А теперь добрались и до балета. На нем ведь легко заработать, вывернуть грязное белье и все. Но зачем порочить русский балет, русских людей? И я об этом еще скажу.

— Где?

— А вот узнаете.

— Да, но даже Бежар считает, что русский классический балет держится на палке.

— Ну и слушайте Бежара, если вам так этого хочется. А этот фильм даст нам только рекламу, уверяю вас.

Татьяна ГЛИНКА.

Фото Владимира СУВОРОВА.

Кадры из фильма.